

Борис КУТЕНКОВ

ТЫ – БУЛГАКОВ И ЗОЩЕНКО

Мариэтта: Сборник воспоминаний / Составители Аня Герасимова и Маша Чудакова. – М.: Умка-Пресс / Пробел–2000, 2022.

«Поспешная самоделка, ядро, зародыш большой книги», – так в предисловии Герасимова называется эту тетрадь воспоминаний о Мариэтте Омаровне Чудаковой. И возводит «самиздатовость» в редакторский принцип: «Лучший формат – большая тетрадь на скрепке. Никаких твердых обложек, никаких редакционных тягот. Только люди, ты, буквы, типографский станок». Справедливо добавляя, что «настоящая» книга еще появится и что ее героиня достойна ЖЗЛ. Впрочем, сборник отличается от гипотетического «настоящего» лишь полиграфически, но не содержательно. Никакой поспешности здесь не чувствуется. Воспоминания не только необыкновенно хорошо собраны, но и корректорски вычитаны с тем перфекционизмом, который свойствен Ане (так она предпочитает себя называть) Герасимовой как опытному текстологу.

Цитировать хочется много: среди мемуаров нет ни одного недостойного или бессодержательного, написанного с интонацией лести или с эмоциональными перегибами. Не знаю, был ли отбор, но сдаётся мне, что удача сборника не только (или вообще не) в нем, а в самой Мариэтте Омаровне: на ее прямоту и бескомпромиссность, соединенные с эмпатичностью, и отвечать хочется соответственно. Неслучайны здесь и коротенькие заметки, и полноценные воспоминания; и личные очерки, и эссе вполне журнального формата, в которых обрисовывается масштаб деятельности Чудаковой. Масштаб личности человека, литератора, политика, который в советское время отказался уезжать, объясняя это простым и – в ее случае – предельно осмысленным – «это моя Родина». И, несмотря на то что объединить все эти воспоминания в рамках какой-то общей концепции сложно, – таковой может стать именно актуальность сборника для нынешних дней.

Книга, вышедшая до 24 февраля сего года, вообще не в связи с происходящим, способна стать прививкой от социальной апатии и этическим оправданием «не-эмиграции». Я пишу свою рецензию в дни, когда интеллигенция сплошняком покидает страну. На эти отъезды Чудакова реагировала со свойственной ей в жизни эмоциональностью: «Как же так! Уехать они все хотят! А кто будет заботиться о России? Кто поможет наладить здесь нормальную жизнь? Разве это не наша страна? Разве мы не хозяева в своей империи?» (из мемуара Натальи Сафоновой). Она как никто «ощущала, что Россия – это ее страна, о которой она должна заботиться, которую нужно любить и не давать на откуп всяким сволочам и дуракам» (Олег Лекманов). В этом контексте крайне важны размышления Александра Павловича Чудакова, объясняющие, почему выбор интеллигента – не выйти на площадь во время Пражской весны – может быть не менее честным, чем выбор обратный. Эти слова, сказанные в 1968-м жене и обусловившие ее решение, процитированы в книге, но вернёмся к ним вновь: «Ты выйдешь на площадь с плакатом, прстоишь там пять минут – и после этого на долгие годы будешь полностью оторвана от своего любимого дела. Дело не только в том, что – любимого, а в том, что, я уверен, ты в нем сможешь сделать то, чего не сделают другие. Что же – ты хочешь оставить наших школьников и студентов только с лживыми книгами В.?.. (Он говорил об известном ленинградском профессоре, демагогические книги которого изучались на всех филфаках страны). А так – думай, конечно, сама». Результат этого «думания» сегодня вновь позволяет понять, что иногда вернее быть «с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был». Оказывается, гражданская смелость возможна не только с плакатом в руках или постом в социальной сети, – ей в разное время может стать и пробивание запрещенной книги, и героическая цепь путешествий по сельским библиотекам (с даримыми книгами, с лекциями, с тестированиями по истории). Что не отменяет, конечно,

участия Чудаковой в демонстрациях и митингах: воспоминания об этом хотя и не доминируют в книге – на фоне, например, просветительской деятельности, – но тоже неотрывны от ее личности. «Участвовала в общественной деятельности и правозащите, была противницей агрессивной имперской политики <...>, в 2014-м году была одним из организаторов митинга в защиту Украины...» (Сергей Михайлов) – все это невозможно не вспомнить, не прибавить к ее списку великих – без преувеличения – дел.

«Храбрая, мужественная Мариэтта, как же она поддерживала запрещенных! Это было тоже дело ее жизни» (Людмила Петрушевская).

Книга способна объяснить многое и тем, кто сегодня, как в советское время, обречен упаковывать свои мысли в подцензурную форму. На дворе новые смутные времена – с блокировкой независимых медиа, затыканием ртов несогласным. Дальнейший ход событий непредсказуем. Но жить приходится здесь и сейчас. «Рецепт» Мариэтты Омаровны относится к другой эпохе, но звучит злободневно: «Никакого вранья, умолчаний немало, непременно. И так проходило через цензуру. Например, важную мысль нужно было поместить в середину абзаца – технология. Нельзя было с той мысли, которая остра, начинать абзац. Нельзя было начинать главку этой мыслью и заканчивать. А надо было где-то между делом, где-то в глубине абзаца». Тут еще много описаний борьбы с цензурой – той, что была нацелена на правдивый разговор с согражданами, но – ведома целью провести статью через идеологические препятствия, не поступившись истиной. На саму Чудакову в этом смысле влияли примеры Зощенко и Булгакова – первый обладал «биологической смелостью», «совершенно врожденным чувством чести», второй привлекал ее скептическим отношением к революционному процессу в своей стране. (Тут вспоминаются и слова Тынянова – еще одного кумира нашей героини, бывшего и предметом ее исследований, – о пользе медленной перестройки в противоположность революции.) Пример и чести, и смелости, и здорового скепсиса – не худший, чем у её кумиров, и наглядный на страницах этого сборника – являет нам Мариэтта Омаровна. «Поведение свободного человека в ситуации несвободы и лжи» – эта исчерпывающая формулировка Александра Закуренко звучит почти утопично. Но – почти по Лотману – существование такого человека можно было бы с легкостью опровергнуть, если бы не реальность этого существования, явленная нам сейчас, вот тут. И это, как ни крути, вдохновляет.

И вот еще – живой диалог для тех, кто ныне терзаем интеллигентскими сомнениями и оправдывает ими невозможность (а то и этическую неправомерность) занятий литературой. «Мариэтта Омаровна, это же больше тысячи км!» – «Ничего, доедем. Андрей домчит. Мне необходимо попасть в вашу областную библиотеку. Надо бы организовать встречу с читателями. Сможете? Да, и... меня тут собака немного покусала, надо бы в больницу. Организуете? И гостиница мне нужна» (Ольга Скибина). В книге есть и подробное обоснование этой чудаковской тяги к действию – в не предназначенные, а точнее, препятствующие этому времена. Вот как об этом пишет Андрей Немзер: «...М.О. писала <...> о тех людях, что в сталинскую эру, оставаясь на свободе, каждодневно несли непосильные нагрузки, все более и более сознавая их «как долг, как высокую миссию, как нигде не записанное, не объявляемое вслух обязательство – перед собой и перед культурой. Мало того – они все больше понимали, что делают нечто, что не нужно государству и чему оно поэтому чинит препятствия – с разной степенью жесткости и жестокости в разные периоды. И продолжали делать. <...> Можно назвать это подвижничеством, но можно оставить и без всякого именованья. Эти люди не искали себе определений». Мемуаристы вспоминают, что в 1981 году, в расцвет застоя, она пробилась «дикими трудами, хитростями, обходными путями, женским обаянием, невероятной настойчивостью, чтоб не сказать более резкого слова, – Тыняновские чтения» (из сценария фильма о Чудаковой для канала «Культура», со слов Евгении Абелюк). Об этой культовой институции, впрочем, нужно вести отдельный рассказ, а лучше – прочитать её историю в самой книге.

А вот какие слова приводит Наталья Осипова: «– Наташа, вы любите родину? – так начала Мариэтта, пригласив меня отдельно ото всех на разговор в ресторан во время Тыняновских чтений 2004 года. Родину я, конечно, любила, но точно понимала, что такой вопрос от Мариэтты означает не философские рассуждения на тему, а практические действия». О том же – Сергей Гандлевский: «У Чудаковой же, в отличие от многих чеховских персонажей, зазор между убеждением и деянием минимальный». Любой, кто хоть немного знал Чудакову, не станет этого оспаривать. Гандлевский в своем эссе приоткрывает секрет несовпадения между бурным общественным темпераментом (в жизни) и сдержанностью и точностью (в филологическом труде), – того сочетания, которое так удивляло собеседников Мариэтты Омаровны. Что за секрет, спойлерить не буду, – эти слова, как и все эссе Гандлевского, достойны того, чтобы найти их в книге.

Этически более спорным выглядит наблюдение Натальи Сафоновой – предвижу комментарии несогласных: «Мариэтта Омаровна не считала для себя зазорным сотрудничать с нынешней властью, в хорошем смысле слова – сотрудничать. Она считала, что надо использовать все возможности. Говорила примерно так: – Раз сейчас у этого человека власть, то нужно обратиться к нему за помощью, привлечь внимание к проблеме». Говорите, практицизм на грани цинизма? Видите противоречие тому, что пишут о той же Мариэтте Омаровне, – мол, избегала компромисса со злом? Так, да не так. Если и противоречие, то контекстуально разрешимое, когда речь идет о деле всей жизни. Или о спасении – человека ли, дела – в нужный момент. Пример Мариэтты Чудаковой вновь убеждает в том, что этика часто входит в противоречие с жизнью. Сама ее личность побуждает думать, анализировать индивидуальные ситуации, которые плохо сочетаются с блоками готовых убеждений.

Но понизим пафос. В сборнике хватает и живых человеческих свидетельств. Предстает узнаваемой легендарная квартира на Миклухо-Маклая, с ее беспорядком и хаосом, куда Мариэтта Омаровна приглашала гостей. Обязательная бутылка «Кагора» – спутница этих встреч – если не стала еще частью легенд, то будет таковой в скором времени. Чудакова любила жизнь, и об этом в сборнике много. Походы на байдарках. Добродушная личная мифология, в центре которой – Александр Павлович Чудаков, «добрый рассеянный фольклорный богатырь» (из очерка Владимира Паперного). Строгость и мудрость в воспитании дочери (об этом в том числе – из уст самой дочери, Маши Чудаковой). Все это заземляет образ Мариэтты Омаровны – деятельницы, подвижницы, коей она, безусловно, была, – и придает ему человеческий ракурс. Мне вспомнились рассказы мемуаристов о поздней Ахматовой – например, история Твардовского о встрече с ней в итальянском гостиничном номере, о ее простоте и радушии... Ахматовская «статуарность» после этих воспоминаний оказывается уже не такой безусловной. Как и чудаковский бешеный темперамент, к которому воспоминания «подбавляют» долю доброго юмора, иронии (в том числе и само-), милых «домашних» деталей... Но, конечно, и тут чувствуется подлинное величие – хотя бы в живых свидетельствах щедрости: «В какой-то момент в начале 90-х годов мы с женой сидели почти без денег, обе зарплаты разлетались почти немедленно. Неожиданно появляется девушка и передает от Мариэтты \$20 – в тот момент это была существенная сумма, которая нам действительно помогла продержаться» (Георгий Левинтон). О том же – деятельной, но в то же время деликатной помощи нуждающимся – рассказывает Александр Закуренько. (Упомянутая небольшая квартирка в Беляево, заваленная книгами, выступает как особенно трогательный фон таких воспоминаний.) А Елена Семенова вспоминает заботу о студентах: «Мариэтта Омаровна вошла в аудиторию и сказала – так, ты и ты, вот вам деньги, и дуйте в магазин за лимонадом и печеньками. А потом – заготовленных вопросов на билетиках у нее не было – Чудакова пошла по рядам и, заглядывая каждому в глаза, беспрекословно изрекала примерно в таком духе: так, ты – Маяковский и Пастернак, ты – Есенин и Хармс, ты – Булгаков и Зощенко». Как один из студентов Мариэтты Омаровны в прошлом – подтверждаю и улыбаюсь. И, честно говоря,

больше не припомню преподавателей, которые деятельно заботились бы о том, чтобы студенты на их парах были сытыми...

Что остается в памяти по прочтении книги, кроме всех этих милых – но по-разному важных – реалий? Кроме объединяющей эти реалии «идеи персональной исторической ответственности» (Андрей Курилкин)? Кроме вдохновляющей чудаковской уверенности, что правда созидательна, просветительство – необходимо, невежество – стыдно?.. Остаётся пример на все времена, который необходимо донести до будущих поколений. И ожидание – как новых книг её и о ней, так и полноценного переиздания этого сборника. Который – хочется верить – будет уже не самиздатским.